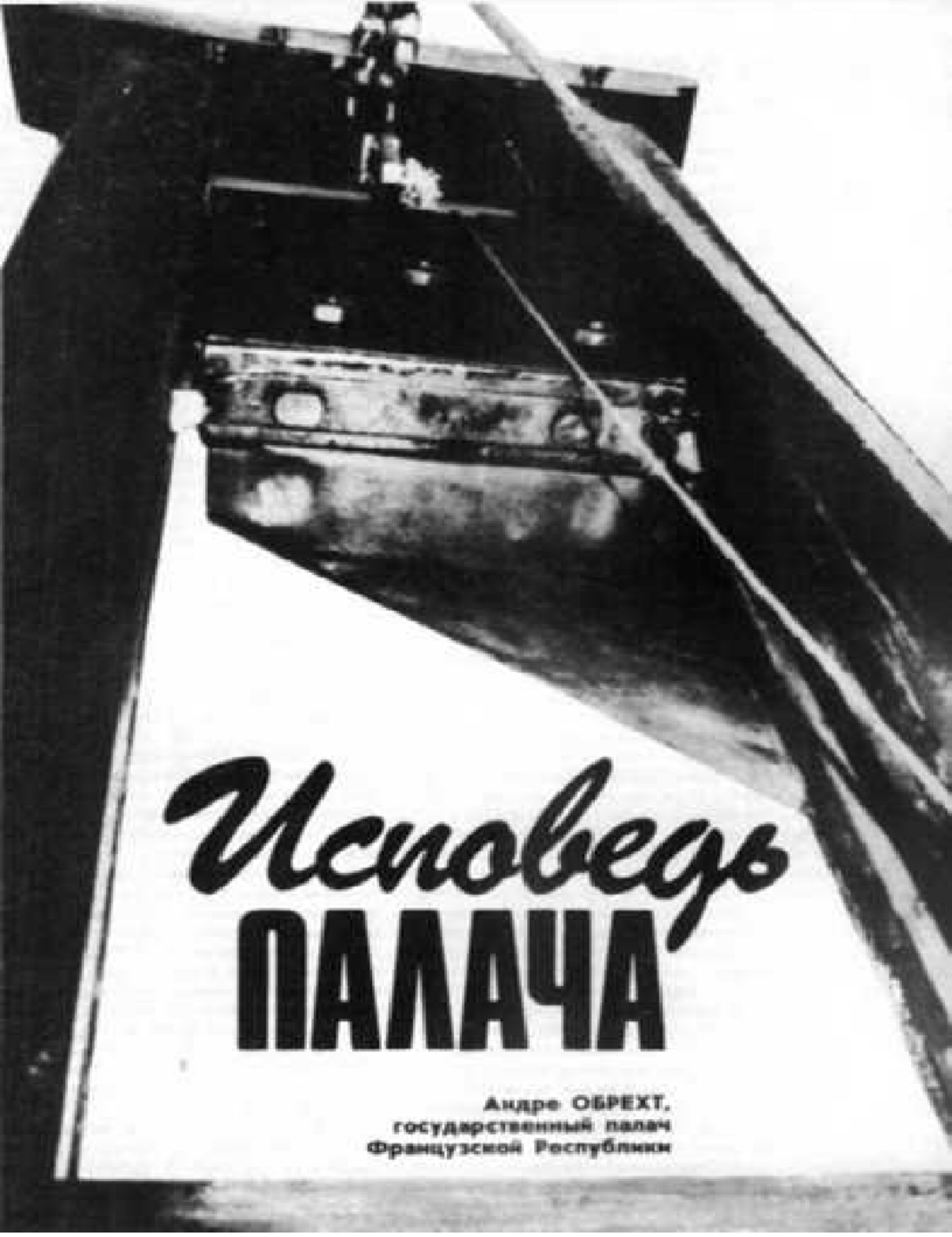

Исповедь палача

Андре ОБРЕХТ,
государственный палач
Французской Республики

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мы спорим о смертной казни. Отменить или сохранить. Спорят об этом и в других странах. Во Франции, к примеру, эта дискуссия длится уже почти век. Мы понимаем, что голос, который прозвучит в этой дискуссии, на первый взгляд может показаться как бы и неуместным. Но почему? Отрывок, который вы прочтете, взят из только что вышедшей во Франции книги «Черный дневник» — книги воспоминаний государственного палача А. Обрехта. В рассказах о своей внушающей ужас профессии А. Обрехт говорит именно о том, о чем спорим мы, о своем отношении к смертной казни. О том, что ему отвратительно применение смертной казни к женщинам. О том, что смертная казнь при тиранических режимах ему кажется особенно опасной. И все же он остается ее твердым сторонником. Ровесник 1990 01

- Андре Обрехд

Андре Обрехд
Исповедь палача

Мы спорим о смертной казни. Отменить или сохранить. Спорят об этом и в других странах. Во Франции, к примеру, эта дискуссия длится уже почти век.

Мы понимаем, что голос, который прозвучит в этой дискуссии, на первый взгляд может показаться как бы и неуместным. Но почему? Отрывок, который вы прочтете, взят из только что вышедшей во Франции книги «Черный дневник» — книги воспоминаний государственного палача А. Обрехта. В рассказах о своей внушающей ужас профессии А. Обрехт говорит именно о том, о чем спорим мы, о своем отношении к смертной казни. О том, что ему отвратительно применение смертной казни к женщинам. О том, что смертная казнь при тиранических режимах ему кажется особенно опасной. И все же он остается ее твердым сторонником.

1907 год, мой дядя Анатоль Дейбле, государственный исполнитель смертных приговоров, пребывал в бездеятельности. С первого дня после избрания в феврале 1906 года Фалльера главой государства президент стал регулярно миловать осужденных на смерть.

Наиболее рьяные сторонники отмены высшей меры Жорес и Бриан потребовали в Палате депутатов расторжения трудового соглашения с палачом, не добившись отмены в законодательном порядке смертной казни. Но тут забеспокоился народ: чем же сдерживать преступников, куда идет Франция?

Толчком для выступлений послужило известие о помиловании Альбера Солейланда.

Зимним утром краснодеревщик Солейланд заглянул к своему другу, рабочему Эрблинжеру, и предложил сводить его дочь, двенадцатилетнюю Марту, на уличное представление.

Восторг девочки, благодарность родителей… В действительности же, воспользовавшись отсутствием своей супруги, Солейланд повел маленькую Марту к себе в дом и попытался ее изнасиловать. Девочка сопротивлялась, и тогда Солейланд ее задушил, разрубил на куски, упаковал их в коробки, которые отнес на железнодорожный вокзал и оставил в камере хранения.

Похороны Марты вылились в народную манифестацию. Более ста тысяч человек провожали гроб маленькой Марты до

кладбища.

23 июля 1907 года мадам Солейланд, супруга убийцы, аплодировала смертному приговору своему мужу, признанному медиками вменяемым и потому полностью ответственным за преступление. Каково было удивление, когда уже в сентябре президент Фалльер объявил о помиловании убийцы.

Франция забурлила. Люди выходили на улицы и требовали смерти Солейланда. Газеты разразились гневными статьями в адрес президента. Сам аббат Валадье, известный всей Франции как человек, в свое время провожавший в последний путь приговоренных к казни, не удержался и написал главе государства письмо:

«Ему, как и тем, кто был до него, в темной комнате, где приговоренных облачают в предсмертные одежды, прежде чем вести к гильотине, я бы с полным правом сказал: «Что ж, друг мой, несчастная душа, мужайся до конца. Умирать мучительно, но смерть необходима. Не противься ей, прими ее как должное. По ту сторону гильотины бог протягивает тебе руку. Иди к нему, и пусть искупляющая боль ножа очистит тебя».

И этого чудовищного убийцу, в котором нет ничего человеческого, клянусь Христом, чью божественную сущность вы попираете, священная казнь в один миг превратила бы в брата доброго разбойника, спасенного Христом.

Вот почему я чувствую себя вправе крикнуть вам, господин президент, что вы не в состоянии понять высший смысл казни этого человека. Вы трусливо не желаете проявить твердость».

Через два дня после объявления помилования разъяренная толпа горожан двинулась к Елисейскому дворцу с криками: «Долой Фалльера! В отставку! Смерть Солейланду! На гильотину! Да здравствует Дейбле!»

«Да здравствует Дейбле!» Дело в том, что государственный палач во Франции — знаменитый человек. Спасаясь от журналистов, мой дядюшка вывесил на двери своего дома красноречивый плакат: «Не принимаю никого».

Через два года о дядюшке Анатоле заговорили вновь. За эти два года в стране были вынесены многие и многие десятки смертных приговоров и столько же помилований. Преступники распустились. Общественное спокойствие стало национальной проблемой. Фалльер уже не мог занимать прежнюю позицию. 11 января 1909 года он сдался. В Бетюне перед стенами тюрьмы был приведен в исполнение смертный приговор. Десятки тысяч человек пришли увидеть смерть преступника. Стук падающей головы, обыкновенно отчетливо слышимый в напряженном молчании, был заглушен криками и аплодисментами толпы.

На вокзале в Париже моего дядюшку встречали радостные горожане. Но еще до этого хозяин кафе в Бетюне как реликвию поставил на полку кружку, из которой пил пиво дядюшка Анатоль… Впрочем, все это я узнал из рассказов мальчишек на улице. В семье у нас было заведено не обсуждать то, что было связано с работой дядюшки.

Первая казнь, на которую взял меня с собой дядюшка, была казнью Ландрю. Тогда впервые я задал себе вопрос, который, уверяю, куда больше, чем судей и присяжных, мучает всякий раз палача: виновен или не виновен? Толпа кричала, горя от нетерпения: «Давай, чего медлить!»

Я помню, что я чувствовал в те минуты. Наверное, мои ощущения не отличались от тех, что испытывают собравшиеся поглазеть на казнь зеваки: во мне было чувство какого-то нездорового любопытства. Я вглядывался в лицо Ландрю, пытаясь по первому впечатлению решить для себя, виновен он или нет.

Лишь много позже, когда меня уже назначили государственным палачом и когда я в полной мере прочувствовал, что значит для человека высшая мера наказания, сомнение в правильности того, давнего моего ощущения перед казнью Ландрю охватило меня. Я стал разыскивать документы, имеющие хоть какое-либо отношение к делу Ландрю. Я изучил протоколы суда.

Во время заседания адвокат Ландрю вдруг вскочил и, указывая в направлении двери, закричал: «Смотрите, смотрите, женщина, которую вы считаете мертвой, убитой Ландрю, жива. Она там, за дверью! Введите ее!»

И все члены суда, все сидящие в зале обернулись к двери. Но дверь оставалась закрытой. Никто не вошел.

Защитнику Ландрю удался этот ставший затем знаменитым «адвокатский ход». Конечно, за дверью не было никакой женщины, но сам факт, что суд поверил, что она появится, доказывал, что судьи не были уверены в виновности Ландрю.

После вынесения приговора адвокат произнес слова, которые до сих пор наводят на меня ужас:

«Что, если завтра, господа, одна, всего лишь одна из якобы убитых Ландрю женщин появится в городе… Какой же непоколебимой тогда должна быть ваша уверенность в виновности подсудимого, чтобы встретиться с его призраком, который придет к вам ночью и скажет: «Я не убивал, а вы меня казнили!»

Но имел ли я, палач, право на сомнения?

Первый раз я собственными руками казнил человека 4 июля 1922 года. Двух человек. Виновных в убийствах престарелых

крестьян.

На следующий день департаментская газета, выходящая в Берри, вышла со статьей о казни на первой странице. «Пример» — так называлась эта статья.

«В нашем тихом и милом Берри, — писала «литературно-сельскохозяйственно-политическая газета», — безнаказанные или недостаточно сурово наказанные убийства породили атмосферу страха. Население нашего края хочет быть огражденным от кровавого сумасшествия, охватившего жадную до удовольствий молодежь, которой, увы, война привила чудовищные нравы.

«Грустно умирать на эшафоте в двадцать лет», — написал перед казнью один из двух преступников. Да, двадцатилетний паренек на гильотине — зрелище тяжелое. Но когда угроза становится слишком близкой, чувства должны все же уступить место необходимости обеспечить защиту людей от преступников.

Помилование преступников могло бы послужить плохим примером тем из жителей нашего города, кто может сойти с прямой дороги.

И пусть после кровавого рассвета 5 июля мы больше никогда не увидим в нашем городе господина палача и его страшную машину!»

Я сохранил эту заметку потому, что тогда меня поразило двоедушие ее автора, тех самых добрых горожан, которые в страхе прячут поглубже в карман бумажник и бегут сломя голову от всякого подозрительного подростка. Накануне казни мы были самыми желанными гостями. После — скорей, скорей, лишь бы нас больше не видеть…

Палач — это то ремесло, которое не позволяет человеку не выполнить то, что ему положено выполнять, даже если в такие моменты человек, убивающий человека, пребывает в ужасе от точного понимания значения своего жеста, когда силишься заставить себя думать: моя рука — не моя рука, она лишь движение, моя голова — не моя голова, она — лишь повинуется этому движению, и веревка, которая удерживает нож гильотины, в этот самый момент — спасение общества. «Палач и государь, — писал историк, — составляют единое целое. Они оба и вместе сплачивают общество».

Увы, думать об этом тем труднее, когда к гильотине подводят женщину.

Впервые я казнил женщину в январе 1941 года. Элизабет Ламули, отравительницу. Она отравила сначала своего супруга, чтобы «пожить в свое удовольствие» с любовником, который только чудом избежал смерти от яда, поскольку любовников у Ламули было несколько. А вот свою мать, опасную для дочери

свидетельницу, она все-таки отравила…

По всей тюрьме разносились крики несчастной молодой женщины, когда на рассвете прокурор вошел к ней в камеру и объявил: «Будьте мужественны, ваше прошение о помиловании отклонено».

Она кричала, когда мой помощник обрезал ей волосы на затылке. Она кричала и тогда, когда ее голова легла на гильотину. Затем нож глухо ударил ей в шею… и вдруг тишина. Никогда еще я не слышал столь оглушительной тишины. Мы все стояли, боясь пошевелиться, боясь, что страшные крики вдруг раздадутся снова…

Годом позже мне предстояло казнить еще одну женщину. Молодую симпатичную женщину, которая вместе со своим мужем задушила, зажав в двери, собственную дочь. Ее мужа казнили накануне. Он просил перед смертью завязать ему глаза, чтобы не видеть гильотины.

Она же, когда я связывал ее, прошептала: «Вы не беспокойтесь, я не буду вырываться». Без крика, без слез она ушла из этого мира в другой, который, я желаю ей, должен быть лучше. Страшно было увидеть на месте милого лица с красивыми губами чудовищный красный срез.

В 70-е годы под напором газет и многочисленных кинофильмов «о казнях» проблема высшей меры наказания вновь встала перед обществом. Сторонники ее отмены утверждали, что смертная казнь применяется теперь крайне редко, так для чего же ее сохранять? «Этот устарелый обычай, — писали в те годы, — весь пропитан противоречиями. Ибо или мы все еще верим, что смертная казнь тем хороша, что служит назиданием и запугивает людей — хотя эти ее стороны эффективны, когда бы она использовалась часто, как в XIX веке, — или мы соглашаемся с выводами современной криминалистики, что смертная казнь как способ борьбы с тяжкими преступлениями сегодня совершенно неэффективна… Только больные общества сохраняют смертную казнь». И все же Помпиду, после того как он семь раз воспользовался своим президентским правом помилования, отдал приказ вновь опустить нож гильотины. Адвокат передал мне тогда последнюю волю казненного: «Надеюсь, — говорил он, — что я буду последний…»

Меня не раз спрашивали: «Вас никогда не мучила совесть из-за вашей профессии?» Нет. Я ни о чем не жалею. Я живу сознанием того, что я приносил пользу.

Да, во времена оккупации были чудовищные казни по политическим мотивам. Но я не участвовал в них, я подал в отставку. Эти казни действительно поднимают проблему высшей

меры наказания при тиранических режимах.

Однако сегодня, когда смертная казнь во Франции отменена, я бы не стал утверждать, что когда-нибудь она не может быть введена вновь. «Настало время убийц» — этот факт поняли в нескольких американских штатах и ввели у себя на территории высшую меру. Если бы завтра во Франции провели референдум, в его результате я был бы уверен.

Ведь что говорят ее противники?

«В сотрясаемом конфликтами обществе смертная казнь является выражением неизменно и неразрывно связанных агрессивности и страха, пропитывающих общественное сознание. Человек в таких обществах и в такие периоды чувствует над собой постоянную угрозу. Существование смертной казни своим ужасающим фактом придает ему немного спокойствия, ибо он чувствует, что люди так же, как и он, ее боятся, и значит, она его защищает. Иллюзорная защита, она подобна пению ребенка, боящегося идти ночью в темноте…»

Я уверен, что когда после того, как мы пощадим достаточное количество убийц, убийцы же и сгустят над нашим миром эту ночь, мы вновь заговорим о смертной казни.

Впрочем, в темном царстве теней, к которому я приближаюсь, я смогу сказать, что я не напрасно был представителем многовекового гуманного порядка.

Перевел с французского С. В. Козицкий

А. Обрехг умер в 1985 году. — Прим. ред.